

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-31-42

УДК 821.161.1

С.В. ПерваловаВолгоградский государственный социально-педагогический университет,
400005 г. Волгоград, Российская Федерация

Тема военного детства в рассказе Б.П. Екимова «Живые помощи»

Аннотация. Статья посвящена изучению рассказа Б.П. Екимова, написанного в начале нового тысячелетия, но повествующего о судьбе нашего современника, пережившего в детстве события Великой Отечественной войны. В канун юбилея великой Победы он вспоминает о тех силах, что помогли выстоять героическим защитникам и мирному населению Сталинграда, и свою маму, которая спасла ему жизнь. Автор наделяет этого героя чувством «исторического синхронизма», позволяющего ему одновременно жить в настоящем с его актуальными проблемами и в своем военном детстве, что пришлось на тяжелые месяцы обороны Сталинграда. Яркие вспышки его тревожной памяти соседствуют с мирными пейзажами и портретами взрослого сына и маленьких внуков. Документальные и литературные источники помогают автору дополнить те картины прошлого, что передают детское мировосприятие, и объективно воссоздать ситуацию и все пережитое в сороковых. Историко-функциональный метод исследования позволяет видеть, как активно писатель продолжает и обновляет литературные традиции прозы о Великой Отечественной войне, созданной А.П. Платоновым, В.П. Некрасовым, Г.Е. Николаевой и другими участниками сражений, и литературные традиции русской «деревенской» прозы и «тихой» лирики минувшего века. Системный метод исследования позволяет продемонстрировать, как проблемы войны и мира, проблема исторической памяти, проблема отцов и детей, что важны во все времена, и в наши дни находятся в центре писательского внимания, реализуются на каждом уровне рассказа «Живые помощи».

Ключевые слова: Б.П. Екимов, образы матери и ребенка в литературе о войне, черты родного дома в рассказе о войне, литературные традиции

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Первалова С.В. Тема военного детства в рассказе Б.П. Екимова «Живые помощи» // Литература в школе. 2024. № 2. С. 31–42.
DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-31-42

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-31-42

S.V. Perevalova Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, 400005, Russian Federation

The theme of the war childhood in the story “Live help” by B.P. Ekimov

Abstract. The article examines a story by B.P. Ekimov’s which was written at the beginning of the new millennium but narrates the fate of our contemporary who, as a child, survived the events of the Great Patriotic War. The anniversary of the Great Victory allows the hero of this story to remember the forces that helped the heroic defenders and civilian population of Stalingrad to stand up; he also recollects his mother who saved his life. The author gives this hero the sense of “historical synchronicity” which allows him at the same time to live in the present with its actual problems and in his military childhood that fell to the difficult months of the defense of Stalingrad. Bright flashes of his disturbing memory are set side by side with peaceful landscapes and portraits of his adult son and little grandchildren. Documentary and literary sources help the author to complete those pictures of the past, they convey the child’s worldview, which helps reconstruct objective situation and all the experiences in the 1940s. The historical and functional method of the research makes it possible to show how the writer today actively continues and updates literary traditions of the Russian prose about the Great Patriotic War created by A.P. Platonov, V.P. Nekrasov, G.E. Nikolaeva and other participants of the war, as well as literary traditions of the Russian “village” prose and “quiet” lyrics of the last century. The system method of the research allows the researcher to demonstrate how the problems of war and peace, the problem of historical memory, the problem of fathers and sons, which are relevant at any time and which are in the focus of the writer’s attention these days, are realized at every level of the story “Live help”.

Key words: B.P. Ekimov, images of mother and child in the literature about war, the traits of one’s own home in stories about war, literary traditions

CITATION: Perevalova S.V. The theme of the war childhood in the story “Live help” by B.P. Ekimov. *Literature at School*. 2024. No. 2. Pp. 31–42. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-31-42

Обширная историография Великой Отечественной войны не представлена без литературных произведений талантливых художников, «подсвечивающих» события военных лет ярки-

ми, запоминающимися образами. Это имеет отношение и к актуальной современности, рассматриваемой писателями как звено в исторической цепи времен. Так, прозу Б.П. Екимова,

недавно отметившего свой 85-летний юбилей, характеризует едва ли не постоянное сочетание двух временных планов: дня сегодняшнего и обжигающей памяти о Великой Отечественной войне. Это закономерно: вопросы бытования высших нравственных ценностей в тот далекий период неразрывно связаны с духовно-нравственными проблемами нашего общества. Вполне объяснимо и то, что особенное значение для прозаика Волгоградской области приобретает тема Сталинградской битвы. Не случайно время действия в его рассказе «Живые помощи» (2016): «Нынче был год особый: годовщина Победы; да еще и Сталинградской битвы» [4, с. 135], – предопределяет тот своего рода «исторический синхронизм», которым наделен главный герой произведения. Это Дед – так его «старого, седого, хворого <...> величали в семье и в кругу ближнем, знакомом» [Там же]. В памяти героя преклонных лет не тускнеют тяжелые месяцы героической обороны города, свидетелем которых он оказался в мальчишеском возрасте. То особенное, что происходит «нынче» в небогатой событиями жизни Деда, по всей видимости, встречающего семидесятилетие великой Победы, на первый взгляд не является чем-то исключительным: как-то раз он услышал по радио прочитанный «детским голоском» незамысловатый стишок, возвративший его в довоенную пору:

Вспомню, как жили мы
с мамой родною –
Всегда в веселе и в тепле.
Но вот наше счастье
Рассыпалось на части –
Война наступила в стране.

Эти простенькие слова не раз повторяются на страницах небольшого рассказа. Сам Дед с удивлением обнаруживает: «Стишок в памяти остался. Теперь ведь шаг шагнешь и забудешь: куда шел и зачем. Возраст. А здесь сходу запомнил» [Там же, с. 134], – делится этим и в телефонном разговоре с сыном: «Какие у меня новости...». Но засмеялся, вспомнив: «Даже стишок выучил. По радио услышал. Вот послушай:

Помню, как жили мы
С мамой родною...»

Дед и своим разыгравшимся внукам предлагает серьезное занятие: «Давайте стишок выучим: “Помню, как жили мы с мамой родною...”» [Там же, с. 145]. Думается, в этом обращении литературного героя звучит «встречное предложение» самого автора к читателям: «Давайте выучим!» Этот детский стишок, что так глубоко «задел, царапнул» Деда, в современном общественном сознании поддерживает издавна существующую связь между «деревенской» прозой второй половины XX – начала XXI в., к которой имеет непосредственное отношение творчество Б. Екимова, и «тихой» лирикой с ее любовью к малой родине и русской природе, в частности – с лирикой Н. Рубцова. Исследователи утверждают: «первое стихотворение Николая Рубцова относится к лету 1942 года, когда умерла мать поэта:

Вспомню, как жили мы
с мамой родною
– всегда в веселе и тепле...»
[5, с. 119]

Впервые опубликованный в августовском номере «Нового мира» за 2016 г. рассказ Б. Екимова «Живые

помощи» восстанавливает нервующие связи историко-литературного родства, отдавая дань уважения Николаю Рубцову, восьмидесятилетие которого пришлось именно на этот, 2016 г. Екимов напоминает не только о празднике Победы, о «днях и ночах» борющегося Сталинграда, но и о судьбе Н.М. Рубцова, нашего национально-го поэта, «личная трагедия которого вливается в трагическую историю Родины». Родную для поэта вологодчину обошли сражения Великой Отечественной, но не ее боль: «Потеряв шести лет от роду мать, поэт воспитывался в детских домах. <...> Достигнув шестнадцатилетнего возраста, скитался по стране, <...> “пробуя” разные профессии...» и «свой голос» в русской лирике, сохраняя синтаксические «шероховатости», «разговорные» интонации, воскрешающие основные черты национальной психологии¹.

В памяти главного героя из рассказа Екимова «Живые помощи» рубцовское «в веселе и тепле» восстанавливает время детского счастья, которым полон ребенок, в августе 1942 г. не подозревающий о скоротечности и невозвратимости этого состояния: «Малые домики, зеленые огороды, сады. Тихие улочки, добрые соседи, гурьба веселой детворы...» [4, с. 136]. Словно опасаясь того, что стариковская память ненадежна, художник вызывает в сознании читателей свидетельства очевидцев тех мирных дней, среди которых – повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда». Произведение писателя-«сталинградца», впервые опубликованное в 1946 г.

¹ Минералов Ю.И. Рубцов Николай Михайлович // Русские писатели XX века. Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М., 2000. С. 604.

и надолго исчезнувшее из библиотек и книжных магазинов в нашей стране, откуда художник в 1974 г. вынужденно эмигрировал вследствие политического конфликта с властями, только в «перестроечный» период вернулось к нашим соотечественникам, обнаружившим: здесь нет «ни одного лишнего слова, ни одного фальшивого звука»². В.П. Некрасов, впервые в послевоенной русской литературе открывающий тему разрушенных городов, передоверяет лейтенанту Керженцеву, своему автобиографическому герою, впечатления от последних мирных дней Сталинграда. Молодой командир, за месяцы изнурительных боев привыкший «и на луну смотреть с точки зрения ее выгоды и пользы для боя», вынужденный оценивать местность применительно к обороне города, поражен красотой открывшейся перед ним картины. С высоты Мамаева кургана – вид «действительно замечательный»: «Большой город прижался к самой реке <...>. Заводы большие <...> “Красный Октябрь”, “Баррикады” и совсем недалеко на горизонте корпуса Тракторного. Там свои поселки – белые, симметричные корпуса, маленькие, поблескивающие этернитовыми крышами коттеджи. И за ними Волга – спокойная, мирная, такая широкая и мирная, и кудрявая зелень...» [7, с. 86].

Борис Екимов в рассказе «Живые помощи» будто «дорисовывает» этот городской пейзаж, представляя его не с высоты Мамаева кургана, а с точки зрения «малого мальчонки», каким был Дед в те далекие времена, «изнутри» его малой родины. Потому

² Замшев М. Музы никогда не молчат // Литературная газета. 2004. 12 февраля.

и однотипные строения, незнакомые Керженцеву из повести Некрасова «В окопах Сталинграда», приобретают в памяти главного героя рассказа «Живые помощи» зримые черты родного дома: «Поселок Лазурь. Дойная коза Манька. Мохнатая собака Трезор. Свой домик. Палисадник с цветами. Сладкие яблоки на деревьях. Яндыковские они назывались. Зеленый дворик. Просторный купол синего неба» [4, с. 136].

Привычный, уютный мир детства «вдруг, нежданно-негаданно» перечеркивает «беда: среди белого дня, словно черная туча – немецкие самолеты. Их было много и много. Они наплывали с тяжелым гулом от Мамаева бугра, закрывая солнце и небо. Встречая их, по всему городу истошно завывали сирены, надрывались гудки заводские и пароходные, волжские» [Там же]. Это детское («нежданно-негаданно», «много и много»), передающее «неприложимый к детскому разуму ужас», зафиксировано и в мемуарах боевых офицеров, многоопытных очевидцев первой варварской бомбежки города фашистской авиацией. Маршал А.И. Еременко, командовавший Сталинградским фронтом, вспоминал: «Многое пришлось пережить в минувшую войну, но то, что мы увидели 23 августа в Сталинграде, поразило нас, как тяжелый кошмар. Бесперывно то там, то здесь взметались вверх огненно-дымные султаны бомбовых разрывов. Из района нефтехранилищ огромные султаны пламени взмывали к небу и обрушивали вниз море огня и горького, едкого дыма. Потоки горячей нефти и бензина устремлялись к Волге, горела поверхность реки, горели пароходы на сталинградском рейде, смрадно чадил асфальт улиц и тротуаров,

мгновенно, как спички, вспыхивали телеграфные столбы»³.

Маленькому герою из рассказа Б. Екимова «Живые помощи» тоже навсегда запомнился этот день, сразу превративший мирный Сталинград во фронтовую, тот «день первый, когда крыло в крыло, закрывая желтое солнце и просторную синеву неба, медленно наплывала на город огромная, из края в край, самолетная стая», происходящее видится не с командного пункта, а из темного, душного погреба, куда «мать потащила мальчика. <...> Люди прятались в земляных щелях, подвалах да погребах», оставшихся на земле от того, что прежде называлось «свой домик», «поселок Лазурь», было «теплой августовской людской жизнью. <...> Сорок тысяч... Детей, женщин, стариков погибли в первый же день налета от бомб фугасных, осколочных, зажигательных. А может, больше? Кто их считал?» [Там же, с. 160].

Историки свидетельствуют: «Черная дата в истории нашего города – 23 августа 1942 года. Бомбардировке подверглись железнодорожный узел, промышленные предприятия, жилые районы. С особой яростью разбомблена территория ультрамаринового завода “Лазурь”. Заводское население составляло более 40 тысяч жителей»⁴. Чудом уцелели в тот день мальчик и его мама из рассказа Бориса Екимова «Живые помощи»: «Возле Мамаева бугра в сумеречном утре уже не было поселка Лазурь, его улочек, домов, сараев, заборов, палисадов с цветами, садов, пышных огородов» [Там же, с. 150].

³ Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 166.

⁴ Олейников П. Город, который мы потеряли // Волгоградская правда. 2011. 23 августа.

Послевоенная русская литература не обошла вниманием проблему «дети и война», создав запоминающиеся образы тех, кому по-взрослому пришлось «хлебнуть лиха». Это, например, Ваня Солнцев из повести В.П. Катаева «Сын полка» (1944), который три года «жил, как бродячая собака, без дома, без семьи. Он боялся людей и все время испытывал голод и постоянный ужас» [6, с. 28], Иван Буслов из одноименной повести В.О. Богомолова, у которого «нет родственников. Одна мать. И та...» неизвестно, «где сейчас» [2, с. 56]. Осиротевшие дети находят силы не только жить, но и сопротивляться врагу благодаря приходящему им на помощь «солдатскому братству». Оно волшебным образом преображает жизнь маленького «пастушка», главного героя повести В. Катаева, созданной в предощущении близкой победы над захватчиками. Авторский вывод: «Ах, какая чудесная, какая восхитительная жизнь начиналась для Вани! Дружить с храбрыми, великодушными разведчиками; вместе с ними обедать и пить чай внакладку, вместе с ними ходить в разведку, париться в бане, палить из автомата!» [6, с. 28], – носит прогностический характер: «чудесной» представляется художнику жизнь всех «сыновей полка».

Повесть Богомолова «Иван» (1957) не поддерживает в читателях радужных надежд. «Взрослая» форма имени разведчика, «совсем еще ребенка, узкоплечего, с тонкими руками и ногами, на вид не более десяти-одиннадцати лет», соответствует героической биографии этого «гордого, самолюбивого» мальчика, у которого было «на уме одно – мстить до последнего» фашистским варварам. Он, «закордонник», не раз переходивший линию

фронта и доставлявший нашим бесценные разведданные, оказывается способным к мести и неспособным к предательству, вырастая в повести Богомолова в трагическую фигуру. Здесь рассказ о подвиге героя ведет не оптимистически настроенный автор-повествователь, как в «Сыне полка» В.П. Катаева, а старший лейтенант Гальцев, сослуживец Ивана Буслова, которому известно о гибели отважного ребенка. Потому нет и тени мажорного звучания в признании: «Я никогда не испытывал особой любви к детям, но этот мальчишка, хотя я встречался с ним всего лишь два раза, был мне так близок и дорог, что я не могу без щемящего сердце волнения думать о нем» [2, с. 65].

В рассказе «Живые помощи» Екимов позволяет своему маленькому герою не только прожить жизнь долгую, но и подвести ее итоги в период «стариковских зябких сумерек». Эта жизнь наполнена и проблемами, и радостями: Дед дождался внуков – Миши и Мани; для них теперь «сладкий виноград на даче растил. <...> Ранней клубникой детвору баловал и поздней удивлял, до самых морозов. <...> готовил яблочный сок на зиму. В больших трехлитровых банках» [4, с. 162].

Уместным видится замечание, сделанное в свое время М.М. Бахтиным: «В мире памяти явление оказывается в совершенно особом контексте, в иных условиях, чем в мире живого видения». При «соотношении времен ценностный акцент лежит не на будущем, не ему служит. Но служит будущей памяти о прошлом, <...> обогащению его новыми образами (за счет современности)» [1, с. 210]. Применительно к рассматриваемому рассказу Екимова это высказывание

подтверждают размышления Деда о внуках: «Сегодня хотел с ними стихок выучить, про войну рассказать, про себя, маленького: как их бомбили, как выживали в погребах да норах, холодные и голодные, под самым Мамаевым курганом, теперь уже всему миру известным». Занятые веселыми играми непоседы не готовы заменить их «взрослыми» разговорами с Дедом, но он, хорошо понимающий, что память, не передающаяся генетически, служит формированию нравственных ценностей в душах потомков, нет-нет да наставительно замечает: «Вы слушаете меня или нет? <...> Ваш дед, считай, участник войны» [4, с. 145].

Не исключено: именная характеристика героя Екимова – «Дед», «участник войны» – ассоциативно связана с традициями А.П. Платонова, кто в своем рассказе «Дед-солдат» (1941) выводит на первый план произведения старика (по самоаттестации: «Я сам русский солдат!» [10, с. 20]) и его девятилетнего внука Алешу, кто «учился у деда жизни и работе» [Там же, с. 16]). Мальчик помогает своему наставнику осуществить хитроумный замысел: разрушить плотину «из глины и земли», сооруженную «полвека назад крестьянской артелью, в которой работал еще отец деда и сам дед», чтобы вода смыла с родной земли застрявший здесь фашистский танк. Дед дает Алеше наказ: «Ступай на плотину и продолби в ней борозду, чтоб вода поперек пошла» [Там же, с. 22]. Наказ был неукоснительно выполнен мальчиком, земля родного края освобождена от врагов. Исследователи справедливо полагают, что с творчеством Андрея Платонова прозу Бориса Екимова сближает убежденность в том, что «от решения

проблемы “дети”, “детство”, “семья” зависит судьба культуры и цивилизации» [11, с. 154]. Не случайно в 2011 г. волгоградский писатель стал первым лауреатом Платоновской премии за выдающиеся достижения в области литературы и искусства, установленной руководством Воронежской области. Б.П. Екимов принял ее «с благодарностью к трудам Андрея Платонова» [3, с. 106], главными темами которого были темы семейных ценностей и судеб родной земли.

На них сосредоточено и внимание Деда из рассказа «Живые помощи», наставляющего своих внуков: «Давайте стихок выучим: “Помню, как жили мы с мамой родною...” И надо бы вам молитву выучить. Потому что эта молитва, “Живые помощи”, всегда спасает. Точно вам говорю. – Живый в помощи Вышняго...» [4, с. 145]. Поскольку для Б.П. Екимова «вопрос: является ли “традиционная русская проза” православной по своему глубинному содержанию, стоит считать риторическим»⁵, его Дед не случайно, разговаривая вслух и «про себя», сближает слова «молитва» и «мама». Погружаясь в неотступные воспоминания о прошлом, он произносит: «Мать всегда говорила, что я – трижды рожденный. Первый раз – как все. А потом меня Бог спасал. Бомбы в меня немцы бросали. И попадали. Понимаете? Бомбы. Первый раз совсем чудо – даже рубашку сорвало. <...> А второй раз живьем схоронило. Еле спасли, откопали. Третий раз...» [Там же]. Этот третий раз заслуживает особого внимания: он связан с трагическим событием, нашедшим отражение и в документальной,

⁵ Сычева Л. Спокойная жизнь // Литературная Россия. 2008. 25 апреля.

и в художественной литературе предшествующих лет. Речь идет об эвакуации стариков, женщин и детей в конце августа 1942 г. на левый берег Волги: «В Сталинграде в это время находилось большое количество эвакуированных. В городе и области располагался 71 эвакуированный детский сад (10 179 воспитанников), а также Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». <...> С приближением фронта прибывающее население перебрасывалось через Волгу»⁶.

В рассказе Б. Екимова «Живые помощи» исторические факты получают образное воплощение: «Горел город, горящая нефть стекала по берегам и плыла по течению. Немецкие ярко-белые световые бомбы-«лампы» висели над водой, раздвигая багровые сумерки, помогая летчикам найти цель. По всему берегу кипел людской муравейник: раненые, женщины с детьми, старики. Крик и плач. На баржи, на катера да баркасы, на пароходы в первую очередь грузили раненых: на носилках ли, своим ходом. А уж потом остальные: кому повезет, кто сумеет пробраться, протиснуться по трапам, по дощатым настилам, в людской сумятице, толчее» [4, с. 152]. Заметив, что «днем на переправу – страшно», автор показывает, что и ночь с 23 на 24 августа 1942-го не приносит сгрудившимся у переправы людям облегчения: «Для матери и мальчика это была <...> ночь ожидания, тщетных попыток попасть на какую-нибудь баржу ли, баркас, катер, хотя бы лодку, плот и переправиться через Волгу, убегая от войны и смерти» [Там же]. Правда, однажды

мелькнула надежда: «Большой двухпалубный пароход обещал принять всех и грузился долго. Сначала – раненые бойцы, потом хлынули остальные, толпой. По трапам, по сходням, по доскам, напрямую через борта, забивая до отказа палубы, трюмы. Мать с мальчиком были уже на трапе, карабкаясь, в тесноте таких же бедолаг. Два шага оставалось до желанного заветного борта» [Там же].

Бесстрашная мать, спасающая сына, в рассказе Б. Екимова «Живые помощи» не названа по имени: этот образ вмещает в себя судьбы всех сталинградских матерей, сполна познавших, что такое «жизнь посреди войны, в самом пекле ее». Эпические черты в образе самоотверженной женщины («маму контузило, ранило») усиливаются ее православной верой: «Мать слезно просила: «С дитем, Христа ради... Дитя пустите... Он – тоже раненый, – причитала она, проталкивая сына вперед: – Возьмите сыночка, его одного». Только о нем она думала: «Пусть спасется»» [Там же, с. 153]. В невыносимо тяжелых обстоятельствах мать мальчика срывающимся голосом твердила слова Псалма 90:

«Живый в помощи Вышняго

В крове Бога небесного водворится.

Приказ сыну:

– Повторяй за мной. Заступник мой еси, и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на него...

– И уповаю на него, – повторял мальчик, испуганный, оглушенный, все тесней прижимаясь к матери – единственной защите» [Там же, с. 140].

Обращение матери мальчика к псалму, который издавна «считался чудодейственным, оберегающим от пуль» [9, с. 126], и само название рас-

⁶ Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2017. С. 253.

сказа Екимова – «Живые помощи» – вызывает в сознании сегодняшних читателей роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Д.С. Лихачев, предваряя первую публикацию этого произведения в «Новом мире» в 1988 г., подчеркивает: роман раскрывает «философию истории» автора, в центре которой не воля человека, присвоившего себе право делить единый народ на «красных» и «белых», вытеснять семейные ценности идеологическими («воля в какой-то мере – это заслон от мира»), но «состояние мировой мысли», «то, что выше» человека, «что находится над ним и управляет им»⁷. «Разорванность» нравственного чувства художника, погруженного в события Гражданской войны, в романе Пастернака передает эпизод из главы «Лесное воинство», где главный герой, не по своей воле оказывающийся в лагере красных партизан, добросовестно выполняет докторские обязанности, помогая больным и раненым. На глазах Юрия Андреевича Живаго погибает красный партизан, телефонист. «На шею убитого висела ладанка на снурке», в ней – «стершаяся по краям сгибов бумажка», содержащая «извлечения из девяностого псалма с теми изменениями и отклонениями, которые вносит народ в молитвы, постепенно удаляющиеся от подлинника от повторения к повторению. Отрывки церковнославянского текста были переписаны в грамотке по-русски. В псалме говорится: Живый в помощи Вышнего. В грамотке это стало заглавием заговора: “Живые помощи”» [9, с. 126]. В бою с отрядом крас-

ных тяжело ранен Сережа Ранцевич, «молодой белогвардеец», на шею которого Живаго обнаруживает «крестик, медальон и еще какой-то плоский золотой футлярчик», из которого «вывалилась сложенная бумажка, <...> тот же девяностый псалом, но в печатном виде и во всей своей славянской подлинности». Сережа контужен, но «жив: пуля на излете ударилась в стенку материнского амулета, и это спасло его» [Там же].

Творческая ассимиляция приемов русской классики позволяет Б.П. Екимову в рассказе «Живые помощи» показать, что культурная традиция не прерывается. «При всех гонениях на церковь и религиозную жизнь, запретах, ограничениях, опытах разложения их извне и внутри» [12, с. 14] народ все равно молился, из поколения в поколение передавая основные положения православной догматики, укреплявшей в народном сознании нравственные принципы добра, что помогало ему выдержать испытания военного времени. Дожив до преклонных лет, главный герой из рассказа Екимова «Живые помощи» осознает: «Сам того не подозревая, он, оказывается, помнил» эту материнскую молитву «до последней строки, до последнего слова, пронеся ее через жизнь, прошедшую вне храма и церкви: в пионерах, комсомолах, партии. Но душа помнила, хранила и отворила память в час нужный. С последними словами молитвы отступило страшное» [4, с. 159].

Оно отступало всякий раз, как и в той незабываемой сталинградской ночи с 23 на 24 августа 1942 г., когда «на многие километры недавно живого города небесный огонь и земной сомкнулись в геенну

⁷ Лихачев Д.С. Вступительная статья // Новый мир. 1988. № 1. С. 10.

огненную» [4, с. 150]. Сознание Деда восстанавливает чудовищную картину: гибель на Волге того двухпалубного корабля, выполнявшего роль санитарного транспорта, где, по счастью, не нашлось места для мальчика и его мамы: «Пароход внезапно загудел и стал отходить от причала, роняя в темную воду трапы, сходни, настилы, людей. Горел город. Горели пристани. <...> Медленно опускаясь, светили ракеты, помогая немецким летчикам найти цель: катера, баржи, баркасы, плоты самодельные с людьми и людьми. Уже вдали от берега двухпалубный пароход вдруг загорелся, дважды взрываясь от прямых попаданий бомб. Он горел ярким факелом от кормы до носа. А немецкие самолеты снова и снова бомбили его» [Там же, с. 153].

Б.П. Екимов, на протяжении всего творчества неотступно придерживающийся принципов реалистического письма, по-видимому, «преднаходит» (М.М. Бахтин) характеристику этого трагического события в документальных источниках: «В период осады Сталинграда пароход “Композитор Бородин” стал плавучим госпиталем. На нем, как и на многих других санитарно-транспортных судах, доставляли раненых из осажденного города в Горький. 24 августа 1942 года в районе рынка было принято на борт 700 раненых. Судно подверглось мощному артобстрелу и сгорело»⁸, удалось спасти около трехсот человек. Среди тех, кто с трудом добрался до безопасного берега, была будущая писательница Г.Е. Николаева, которая в годы Великой Отечественной войны «работала по своей основной спе-

циальности – врачом-ординатором на плавучем эвакуогоспитале “Композитор Бородин”»⁹.

В 1945 г. она поведала миру о происходившем на борту терпящего крушения судна «Композитор Бородин» в рассказе «Гибель командарма». Здесь молодая докторша Катерина Ивановна, в образе которой угадывается автобиографическая основа, еще при погрузке раненых обратила внимание на «раненого юношу», физически сильного, «сделанного из одних сухожилий», у которого «совсем молодое лицо, серые глаза иногда смотрели по-детски открыто». Это и есть «командарм»: за дисциплинированность и незаурядные воинские способности так звали его окружающие, несмотря на то что «он был лишь только командиром танка». Теперь командарм, раненный в позвоночник, «двинуться не мог», одно только оставалось во власти бойца, не теряющего самообладания и тогда, когда фашистские орудия, «бывшие в упор», повредив машину, выведя из строя цепь рулевого управления, «хлестанули по бортам огнем утроенной силы». Зная, что ему не добраться до берега, он приказывает Катерине Ивановне, не умеющей плавать, взять его спасательный пояс (на судне «поясов не хватало», но капитан сам надел на командарма такой пояс, надеясь на спасение тяжелораненого). Докторша, не посмевшая перечить командарму, мучительно представляет себе состояние танкиста, обреченного на гибель «в одиночестве, без человеческого участия,

⁸ Две судьбы // Волго-Невский проспект: информационно-публицистическая газета. 2011. 30 ноября. № 17. С. 7.

⁹ Щепанова Т.А. Николаева Галина Евгеньевна // Русские писатели XX века. Биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М., 2000. С. 489.

славы, без памятника, без могилы» [8, с. 20]. Она не видит смерти того, «чьи руки дали ей пояс и послали ее жить» [Там же, с. 25], а те минуты, когда Катерина Ивановна слышит, как он до последнего патрона стреляет по немцам «из винтовки вахтенного», позволяют Г.Е. Николаевой запечатлеть в рассказе образ живого, благородного защитника и спасителя не только «частной» судьбы литературной героини, но и судьбы общенациональной. Катерина Ивановна «не помнила, как она прыгнула за борт. <...> она плыла больше часа, тело ее онемело от усталости и холода. <...> Наконец она достигла берега», осознав: «Горе <...> было так велико, что она не могла шевелиться» [Там же]. Пересилить боль измученной докторше помогает рождение незнакомого чувства: прежде она «болела страхом», переживая его «хронический период», но за минувший день «все стало другим. <...> Давно уже она была на фронте и дышала воздухом войны, однако <...> она была женщиной, посланной на фронт, но не была бойцом» [Там же, с. 26]. Сейчас она ощущает себя «товарищем по оружию» и командарму, и армии, и всему борющемуся народу.

Рассказом «Живые помощи» Б.П. Екимов вступает в творческий диалог с автором «Гибели командарма»: его персонажи, видя крушение санитарного судна не «изнутри», а «извне», тоже переживают оглушительное состояние ужаса и сострадания, что делает их мужественнее и сильнее тогда, когда выжить – подвиг: «Мать глядела и плакала, прижимая к себе сына, словно не веря, что он – рядом, живой. Потом она сказала: “Лучше на земле попрем,

у себя”. Той же ночью через Банный овраг они вернулись к себе, на Лазурь. И провели там полгода, в погребных ямах, земляных щелях возле сожженных домов, где <...> холодная тьма» [4, с. 163] да «еда: горелое горькое зерно, которое добывали в развалинах элеватора. Под обстрелом, но пробирались, ползли, гибли. <...> Хлеба кусок – спасенье. А еще – вода, за которой нужно пробираться к Волге или к родникам в оврагах. Тоже – под обстрелом. Жестокая зима. Уже в ноябре – мороз, двадцать пять градусов. Потом и вовсе – тридцать да сорок, с ледяным ветром» [Там же, с. 161]. «Бойцовским» характером награжденные сталинградцы смогли выдержать такие ужасающие условия, а матери – оградить от гибели, прокормить детей.

Вспомним: в предисловии к публикации романа Пастернака «Доктор Живаго» Д.С. Лихачев отмечал: в отечественной литературе есть «несколько образов женщин, как бы олицетворяющих собой Россию. Это олицетворение в разной степени полно или, вернее, в разной степени неполно, но намек на связь женского образа с образом России все же существует, как бы брезжит сквозь ткань повествования и сквозь ткань самого образа у разных авторов»¹⁰. Новое тысячелетие позволяет среди этих авторов назвать и Б.П. Екимова, автора рассказа «Живые помощи», воссоздающего образ спасающей детей сталинградской матери, за которым – величественный образ непокоренной Родины-матери на Мамаевом кургане.

¹⁰ Лихачев Д.С. Вступительная статья // Новый мир. 1988. № 1. С. 10.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000.
2. Богомолов В.О. Иван. Зося. М., 1981.
3. Екимов Б.П. Говорю вам...: очерки, статьи, письма. Волгоград, 2015.
4. Екимов Б.П. Как рассказать...: книга для школьного и семейного чтения. Волгоград, 2018.
5. Зайцев В.А. Русская поэзия XX века: 1940–1990-е годы. М., 2001.
6. Катаев В.П. Сын полка. М., 1944.
7. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. СПб.; М., 2018.
8. Николаева Г.Е. «Гибель командарма» и другие рассказы. М., 1983.
9. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго, роман. Продолжение // Новый мир. 1988. № 3. С. 90–175.
10. Платонов А.П. Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов. М., 2012. С. 16–24.
11. Серафимова В.Д. Концепты «дети», «детство» как общечеловеческая проблема // Ценности и смыслы. 2013. № 3 (19). С. 150–158.
12. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.

References

1. Bahtin M.M. Epos i roman [Epos and novel]. St. Petersburg, 2000.
2. Bogomolov V.O. Ivan. Zosya [Ivan. Zosia]. Moscow, 1981.
3. Yekimov B.P. Govoryu vam... [I'm telling you...]. Essays, articles, letters. Volgograd, 2015.
4. Yekimov B.P. Kak rasskazat... [How to tell...]. Book for school and family reading. Volgograd, 2018.
5. Zaytsev V.A. Russkaya poeziya XIX veka: 1940–1990-e gody [Russian poetry of the XIX century: 1940–1990s]. Moscow, 2001.
6. Kataev V.P. Syn polka [Son of a regiment]. Moscow, 1944.
7. Nekrasov V.P. Vokopah Stalingrada [In the trenches of Stalingrad]. St. Petersburg; Moscow, 2018.
8. Nikolaeva G.E. “Gibel komandarma” i drugie rasskazy [“The death of the army commander” and other stories]. Moscow, 1983.
9. Pasternak B.L. Doctor Zhivago, novel. Continuation. *Novyj mir*. 1988. No. 3. Pp. 90–175. (In Rus.)
10. Platonov A.P. Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov [There is no death! Stories and journalism 1941–1945]. Moscow, 2012.
11. Serafimova V.D. Concepts “children”, “childhood” as an universal problem. *Cennosti i smysly*. 2013. No. 3 (19). Pp. 150–158. (In Rus.)
12. Toporov V.N. Svyatost i svyaty v russkoj duhovnoj kulture [Holiness and saints in Russian spiritual culture]. Vol. 1. Moscow, 1995.

Статья поступила в редакцию 10.03.2024, принята к публикации 30.03.2024
The article was received on 10.03.2024, accepted for publication 30.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Первалова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук; профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Института русского языка и словесности, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Svetlana V. Perevalova – ScD in Philology; Professor at the Department of Literature and Teaching Methods, Institute of the Russian Language and Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University

E-mail: cavaler@yandex.ru